

Лестеховцы, изменившие мир

Молодильные яблоки профессора Вигорова

Когда сад лечебных культур имени Л.И. Вигорова Уральского государственного лесотехнического университета начинает цвести, из него не хочется уходить. Бывать тут в эту пору – огромное удовольствие. Аромат яблонь, черемух такой густой, что им хочется дышать бесконечно.

Вместе с директором сада Любовью Ладейщиковой не спеша идём по дорожке.

– Эти яблони, – рассказывает она, – садил ещё Леонид Иванович Вигоров. С тех пор прошло более пятидесяти лет. Вон какие вымахали! К сожалению, не все из них выжили, многие погибли. По разным причинам. Кстати, и при Вигорове саду часто не везло. Хотя он тут дневал и ночевал. Дрожал над каждым саженцем. Здесь же работала и его жена – Анастасия Яковлевна Трубинская, тоже биолог. Говорят, вместе с ними, особенно в летние каникулы, с утра до вечера пропадали и дети – сын Юрий и дочь Надежда. Жаль, рано Леонид Иванович ушёл из жизни. Ему было всего шестьдесят три года. А нынче уже саду за шестьдесят...

Через несколько минут ходьбы останавливаемся возле раскидистой обсыпанной цветами яблони.

– Наверное, селекционный шедевр самого Вигорова? – спрашиваю.

– Нет, к сожалению, не шедевр, хотя цветёт красиво. Это представительница одного из мелкоплодных сортов. Как, впрочем, и те, которые прошли. В основном они используются для озеленения парков и скверов.

– А где шедевры Вигорова?

Любовь Анатольевна смущённо улыбнулась.

– Вы имеете в виду сорта, выведенные самим Вигоровым? К сожалению, тут нам похвастаться нечем.

Вскоре подошли к яблоне, на которой чуть заметно зеленела... одна-единственная ветка! Все остальные были сухими, мёртвыми.

– Даже неудобно показывать такой шедевр, – проронила она. – Это сорт яблони «Памяти Диброва», выведенный им в честь своего друга-

селекционера Павла Диброва в начале семидесятых. Но шедевр, как видите, погибает. А других экземпляров не сохранилось. Этот в единственном числе. Несколько лет назад прорвало трубу теплотрассы, проходящую по территории сада. Горячей водой тогда залило довольно большой участок. Много деревьев погибло, в том числе и вигоровские сорта яблонь.

Далее Любовь Анатольевна поведала о том, как нелегко живётся саду, в каком трудном финансовом положении он находится и как низки зарплаты садовников, которых в штате осталось всего-то два человека. Разве по силам им ухаживать за садом?

Монолог её был грустным. Но мне почему-то до слёз было жаль одиноко стоящую погибающую яблоню...

Не скрою, о Вигорове и его необычном саду я слышал и раньше. В основном восторженные, одобрительные отзывы. Но, оказывается, не всё так безоблачно в нём. Да, многие деревья цветут, благоухают. Но в то же время известные молодильные вигоровские яблоки, слава о которых гремела на всю Россию, здесь теперь не растут...

Леонид Иванович Вигоров одним из первых в стране стал думать о пользе плодов не так, как это делали до него. До него селекционеры ставили во главу угла внешний вид фрукта, его сахаристость и вкус. Эти показатели были определяющими. Также бились над размером того же, скажем, яблока, чтобы получать рекордные урожаи. О том, насколько полезны плоды, много ли в них витаминов и биологически активных веществ, не задумывались. Такой задачи перед ними никто и не ставил. Считалось, если селекционер вывел крупное и сладкое яблоко, то честь ему и хвала. Он правильно выполняет продовольственную программу страны. Вигоров взглянул на проблему иначе. На первое место выдвинул полезность фруктов и ягод для здоровья человека.

Лестеховцы, изменившие мир

Леонид Иванович Вигоров родился 15 января 1913 года в Минусинске в семье известного садовода Ивана Прохоровича Бедро. До получения паспорта был Алексеем Ивановичем Бедро. Но во времена сталинских репрессий имя и фамилию сменил. Опасался, что его, как сына «врага народа», а именно такой ярлык повесили на отца, не примут в университет.

Иван Прохорович Бедро в своей жизни дважды пострадал от властей. В Сибирь он попал как политический ссыльный ещё до революции, в 1909 году. До этого жил на Полтавщине, работал агрономом, имел семью. Во время крестьянских волнений, захвативших в то время губернию (о них, кстати, рассказывается в одном из очерков В.Г. Короленко), бунтари выдвинули его предводителем, проча в «свои губернаторы». За это он был приговорён к смертной казни, заменённой позже пожизненной ссылкой.

В сибирскую почву полтавский агроном врос быстро и прочно. К приходу революции был отцом троих детей и хозяином большого фруктового сада, поднявшегося на Тагарском острове Енисея.

Вот, например, что писала об этом в своих воспоминаниях, опубликованных в 1985 году в журнале «Урал», дочь Вигорова Надежда.

После окончания филологического факультета Уральского госуниверситета она не раз выступала в местных изданиях как литературный критик и как прозаик.

Благодаря этим воспоминаниям сегодня мы можем восстановить некоторые моменты из жизни её отца и деда. Сам Леонид Иванович мемуаров не писал. Всё, что после него осталось, – это около 200 научных статей и полтора десятка таких же научных книг и брошюр.

Надежда пишет: «Из Минусинска на остров, где был сад, обычно переправлялись на пароме или лодках, так как ветхий мост часто сносило бурным половодьем. Летом протока Енисея мелела, пароходное сообщение прерывалось, но зато тогда гурьба ребятишек свободно переплывала по мелководью на остров, где припадала к лакомым зарослям облепихи, рассаженной по обрыву реки».

По словам Надежды, всё детство отца прошло в этом саду. И, конечно, уже тогда он многое знал о фруктовых деревьях, об особенностях их выращивания.

Что касается деда, Ивана Прохоровича Бедро, то второй раз судьба не пощадила его при советской власти. Тогда шло обобществление собственности, но он не хотел передавать сад государству. В итоге превратил его в яблоко раздора. Опытный агроном просто не верил в компетентность и способности новых хозяев, в руки которых переходил сад. Вступил с ними в конфликт и за это сурово поплатился. Его арестовали. И, как говорится, с концом...

Несмотря на жизненные сложности, Вигоров поступил на биофак Томского университета. Закончил его с отличием. Трудовую деятельность начал в Новосибирском сельскохозяйственном институте ассистентом кафедры общей ботаники и физиологии растений. Увлёкся селекцией пшениц. Но затем переехал в Воронеж, устроился в тамошний университет. Был назначен доцентом кафедры биохимии и микробиологии. В июне 1941 года, на четвёртый день войны, защитил диссертацию,

Лестеховцы, изменившие мир

стал кандидатом биологических наук. А в мае 1942-го ушёл на фронт, где дослужился до начальника военно-химической лаборатории и воинского звания старший лейтенант.

Что характерно, Вигоров и здесь, на полях, между боями продолжал исследовать местные пшеницы на предмет содержания в них аминокислот и других веществ. Об этом, в частности, он сообщал в одном из писем с фронта сыну Юрию, кстати, ныне тоже авторитетному учёному. В настоящее время он кандидат биологических наук, сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН.

С войны Вигоров вернулся в ноябре 1945-го. Жена в это время была в эвакуации в Сибири. Он поехал туда, нашёл её. А в сорок шестом судьба забросила его на Урал, в Свердловск. Здесь Леонид Иванович нашёл работу в лесотехническом институте (тогда – ещё институте) на кафедре ботаники и дендрологии. В то время ей руководил молодой, но подающий надежды учёный – Павел Леонидович Горчаковский, ставший позднее академиком РАН. Он и был одним из тех, кто предложил Вигорову организовать при вузе учебно-опытный сад. И, так сказать, попал в самую точку. Зерно упало во взрыхлённую почву. В душе Леонид Иванович давно был готов к этому.

Правда, не хотелось бросать и работу по селекции пшениц, начатую ещё в Новосибирске. И он её продолжил, хотя в лесном вузе это не приветствовалось. Однако с появлением сада таких возможностей оказалось больше. Как шутил сам Вигоров, сад стал «древесным прикрытием» его злаковых. В итоге почти до 1970 года он вёл исследования сотен полученных им гибридов диких двузернянок и культурных твёрдых пшениц. Цель была – изучить их генетическую близость, вывести новый сорт с улучшенными биохимическими особенностями зерна.

И Вигоров такой сорт вывел. Назвал его «Факел». В общей сложности на эту работу у него ушло более 25 лет. Полученный сорт пшеницы оказался богатым на белок, дефицитные аминокислоты, витамины и другие биологически активные вещества. Выпеченный из такого зерна хлеб

мог быть целебным. Но продвинуть, как бы сказали сейчас, свой сорт на рынок учёному не удалось. Слишком много на этом пути было бюрократических препонов.

По этому поводу своему брату Вигоров писал: «Мне удалось получить гибриды культурных и диких пшениц, которые по значению даже интереснее, чем гибриды академика Цицина с пыреем. Но развернуть работу не удаётся. И если бы в ином месте об этих гибридах все кричали, то у нас пока только кричу я, пугая воробьёв с грядки этих гибридов...»

Между тем, изучив более тысячи сортов и видов пшениц, Вигоров опубликовал капитальный труд о наследовании ими хозяйственно ценных признаков. Также провёл обширные исследования по биологической фиксации атмосферного азота в различных типах почв. Для этого разработал оригинальные экспресс-методы оценки почвенного плодородия с помощью реактивов-таблеток. Это тоже был серьёзный прорыв в данной сфере.

Однако с появлением сада круг интересов у Вигорова заметно расширился. Пшеницы отошли на второй план. На первый вышли фрукты и ягоды.

Сад заложили в 1950 году. Место для него выбрали рядом с Сибирским трактом, неподалёку от учебного корпуса лестеха. Здесь был пустырь площадью в три гектара.

Леонид Иванович Вигоров с супругой Анастасией Яковлевной Трибунской, 1939 г.

Лестеховцы, изменившие мир

Директором сада назначили Вигорова.

В том же очерке его дочь Надежда продолжает: «Помню обширную панораму молодых насаждений, отгороженную с одной стороны линией железной дороги с наплывающими оттуда белыми дымами паровозных дымов. Помню деревянный домик-сарай, носивший гордое имя лаборатории и набитый скопищем разнообразной утвари, среди которой самый ловкий чёрт наверняка поломал бы себе копыто... Сразу за забором росли редкие сосны, свысока смотрящие на яблоньки. Помню непокорную рыжую глину, на которой год от года наращивали плодоносный слой: забрасывали компостом, высевали бобовый люпин – накопитель азота и проделывали еще множество процедур, знакомых каждому землеробу».

Уже через несколько лет в саду Вигоров собрал уникальную коллекцию яблонь, насчитывающую

1200 сортов! Другой такой в стране не было. А также коллекции сотен других культур, в том числе ягодных. Всё это разнообразие форм было скрупулёзно изучено на содержание в плодах 30–40 различных биологически активных соединений – витаминов, микроэлементов, антибактериальных веществ, гликозидов. Для этого Вигоров создал специальную и тоже единственную в стране научную лабораторию биологически активных веществ (БАВ). Постепенно из хаоса сортов и видов выделились группы, перспективные для профилактических и лечебных целей, появилась их классификация, были начаты клинические испытания отселектированных растений.

Отсюда родилось и название сада – лечебных культур.

Но особенно Вигоров был неравнодушен к яблокам. Изучал их с азартом.

Как известно, в русских народных сказках им приписывается особая сила, способная вернуть человеку молодость. Не случайно их называли молодильными. Вот и Вигоров не стеснялся такого не совсем научного, как казалось многим, термина. Говорил, причём иногда с высоких трибун, что у него в саду растут самые настоящие молодильные яблоки. Некоторые считали его чудаком. Стоит ли в наш век антибиотиков и мощных химических препаратов, заявляли они, заниматься такой мелочью, как профилактика и лечение с помощью плодов?

Но Вигорова это не смущало. Более того, он всерьёз говорил о том, что не надо бороться с самолечением. Оно было, есть и будет. Ничего плохого в этом нет. И даже утверждал, что со временем оно приобретёт еще большие размеры. Именно это, кстати, мы сегодня и наблюдаем.

Единственное, что требуется, считал Вигоров, это направлять его по правильному руслу. И тут, конечно, нужен совет врача. Особенно когда у человека хроническое заболевание. Но в любом случае употребление тех или иных плодов, разумеется, в разумных объёмах больному может быть только на пользу. Фрукты, особенно высоковитаминные яблоки, – лучшие защитники здоровья, учил Вигоров.

Лестеховцы, изменившие мир

В 1960 году в Свердловске, на базе лестеха, прошла Всесоюзная научно-практическая конференция по проблемам лечебного садоводства. Это была первая из пяти конференций, организованных Вигоровым. Кстати, три из них проходили в других городах – Ташкенте, Мичуринске, Москве. Вигоров выступал на всех. И везде его доклады вызывали неподдельный интерес. Он с упорством доказывал, что плоды надо выращивать не только вкусные, но и полезные. Чтобы это были настоящие витамины на ветках.

«Все соединения, находящиеся в плодах, – говорил он, – подразделяются на два типа: пищевые (энергетические) и биологически активные (защитные). К первым относятся сахара (глюкоза, фруктоза, сахароза), органические нециклические кислоты (винная, лимонная, яблочная). Почти все они являются существенным источником энергии для нашего организма, но решающего значения для здоровья не имеют: ни одно заболевание не предупреждается и не излечивается глюкозой или фруктозой.

Вторая группа соединений – биоактивные вещества – разительно отличается от первой. Эти соединения сильно действуют на организм человека даже в малых количествах, нередко составляющих доли миллиграмма. Все они или предупреждают определённые заболевания, то есть оказывают профилактическое действие, или излечивают их, иначе говоря, воздействуют терапевтически».

Вигоров приводил сравнительные данные, полученные при изучении плодов. Если, доказывал он, положить рядом два одинаковых по размеру яблока примерно по сто граммов каждое, скажем, сорта «Мелба» и «Память Шевченко», то окажется, что витамина С в первом всего три – пять миллиграммов, а во втором – 25–35, то есть в пять – десять раз больше.

Витамина Р обнаружим соответственно 30–50 миллиграммов и 200–300. Снова разница внушительная. Что это значит? А то, что каждое яблоко сорта «Память Шевченко» по количеству витаминов заменяет пять яблок сорта «Мелба».

А в сортах, которые вывел Вигоров (их два – «Памяти Диброва» и «Витаминное белое»), эти показатели ещё выше, чем в яблоках «Память Шевченко». И того, и другого витамина в них больше почти в два раза.

По данным медиков, ежедневная насущная потребность нашего организма в витамине С – 70–100 миллиграммов (мг – единица массы, равная одной тысячной грамма). При недостатке этого витамина мы теряем иммунитет, становимся более восприимчивы к гриппу, простуде и другим инфекциям, а также к таким болезням, как атеросклероз, язва желудка, двенадцатиперстной кишки. Также медики считают, что хронический дефицит витамина С ведёт к преждевременному старению человека.

Занятия в саду лечебных культур

Лестеховцы, изменившие мир

О том, что это так, говорил в начале прошлого века и советский учёный, академик А.М. Кирхенштейн: «Недостаток в пище витаминов и содержащихся в растительных продуктах минеральных веществ является существенной причиной преждевременной старости».

В подавляющем большинстве сортов яблок, которые мы обычно покупаем в магазинах, витамина С совсем мало – в среднем 14 мг на сто граммов плодов. Что характерно, в южных сортах – западноевропейских (итальянских, испанских, греческих) и южноамериканских (аргентинских, чилийских) да и в отечественных южнороссийских, витамина С всего-навсего 2–5 мг. Такие яблоки Вигоров называл «пустышками». Для восполнения дефицита в витамине С их надо съедать ежедневно чуть ли не по ведру.

Вигоров вел подсчеты. Получалось, что суточная лечебная доза южных привозных яблок сортов «Джонатан» или «Гольден Делишес» – пять-семь килограммов. Мыслимо ли съесть столько? А вот распространённого в средней полосе России сорта «Пепина шафранного» – уже 2,5 килограмма. А высоковитаминного сорта «Ренет Черненко» – 500 граммов. Для профилактических целей здоровым людям достаточно съесть всего пару таких яблок в день, а сорта «Витаминное белое» или «Памяти Диброва» и вовсе по одному.

Но многие ли из нас задумываются, когда покупают яблоки, высоковитаминные они или нет? Берём первые попавшиеся, те, что привлекательнее на вид. И едим, конечно, не каждый день и отнюдь не ведрами.

Проведя масштабные исследования, Вигоров пришёл к неожиданному выводу: все южные сорта яблок по содержанию витаминов проигрывают в три-четыре раза сортам, выращенным в средней полосе России. А мелкоплодным сибирским и уральским – в 10–15 раз!

Вигоров также подчёркивал, что наши местные плоды помимо витамина С, более богаты и вторым важным витамином – Р, точнее, Р-активными соединениями. Они нормализуют проницаемость и эластичность стенок кровеносных сосудов, в том числе важнейших капиллярных,

что предупреждает атеросклероз и кровоизлияние головного мозга – бич нашего времени, а также поддерживает нормальное кровяное давление.

Вигоров доказывал: от одних сортов фруктов польза, как от конфет-леденцов, другие же – кладёшь здоровья.

И это тоже было важным открытием. Получалось, что содержание витаминов в плодах зависит не только от сорта, но и от места их произрастания. Урал и Сибирь в этом смысле оказывались самыми благоприятными.

Изучить и понять этот феномен Вигоров пытался тоже. Несомненно, это зависит от климатических особенностей, от количества осадков, перепада температур и многого-многого другого. Но всё же «климатическая» составляющая учёного интересовала меньше. Больше привлекали сами плоды.

Выявить наиболее перспективные сорта, улучшить с помощью селекции и сделать по-настоящему целебными – вот основная цель, которую он перед собой ставил.

Ему удалось отобрать наиболее ценные экземпляры. Таких набралось около ста. В дальнейшем они стали «донорами» будущих, ещё более совершенных, с заданными целебными свойствами.

Кстати, в 1968 году по совокупности работ Вигорову было присвоено звание профессор.

Позже в своей книге «Сад лечебных культур», к сожалению, изданной уже после смерти автора, Леонид Иванович писал: «Ни один институт садоводства не нашёл в плодах ни одного нового лекарственного соединения, у нас найдены заново 20 таких веществ».

По сути, Вигоров поставил проблему качества продукции. Он считал, что, если бы те миллионы тонн фруктов, которые выращивают у нас в стране, были высоковитаминными, эффект, польза от них были бы выше. К сожалению, сокрушался он, многие селекционеры не могут понять, что выводить низковитаминные сорта – бесполезное дело. При этом часто цитировал английского учёного Джона Бернала, интересовавшегося структурой гормонов, витаминов и белков. Тот однажды

Лестеховцы, изменившие мир

воскликнул: «Лишение людей витаминов – величайшее преступление перед человечеством!»

По словам сына Вигорова, его отец не сделал и половины из того, что хотел. Неудачи его преследовали часто. Поддержки со стороны чиновников и научного сообщества получал мало. Нередко в свой адрес слышал: «Яблочный король выискался...».

Что многого не удалось добиться, признавал и сам Леонид Иванович. Уже после смерти в его дневнике родственники обнаружили такую запись: «По своей научной подготовке, складу мышления мог бы быть первоклассным учёным. Однако отсутствие «красной» крови, врождённое чувство непригодности к командующей малограмотной публике привели к тому, что жизнь прожита с низкой продуктивностью».

Но так ли это? Наверное, чувство неудовлетворённости у него было. У кого его нет? А потому согласиться с такой самооценкой учёного нельзя. Конечно, он мог добиться большего. Это бесспорно. Но и сделанное им впечатляет.

При этом надо помнить: внешность профессора была совсем не богатырской. Это был худой, щупленький, с травматическим пороком сердца человек. На войне имел дело с отравляющими веществами – испытывал снаряды с ипритом, использовать которые планировали в том случае, если их начнёт применять Гитлер. Всё это не могло не сказаться на здоровье учёного.

А жизнь не была сладкой, то и дело преподносила сюрпризы.

Зимой 1969 года из-за лютых холодов в саду вымерзли тысячи деревьев. Особенно сильно пострадала коллекция яблонь. Целыми остались

Фрагмент коллекции декоративных яблонь

Лестеховцы, изменившие мир

Экскурсия на центральной аллее сада лечебных культур

около 200 видов. По сути, опытный материал оказался утрачен на 80 процентов. Восстановить его не представлялось возможным: на это требовались уйма времени и сил.

И тогда Вигоров изменил направление в работе – стал заниматься не только яблоками, но и ягодами – крыжовником, смородиной, боярышником, рябиной, жимолостью... Установил, что и эти культуры сильно отличаются друг от друга. У одних ягоды более богаты витаминами, а у других – менее. Исходя из этого, стал отбирать наиболее ценные сорта, вести селекционную работу. Результаты были обнадеживающими. Но...

Очередная беда обрушилась в начале семидесятых. Рос студенческий городок, требовались всё новые площади под строительство объектов вуза, в том числе общежития. Где взять землю?

Тогдашний ректор института долго думать не стал, указал пальцем на сад. Мол, зачем нам целых

три гектара кустарников и деревьев? И приказал пустить под нож бульдозера полтора гектара его площади.

Вигоров в те дни ходил чернее тучи. Он до последнего надеялся, что на такую красоту, а главное, на такую ценность рука у ректора не поднимется. Но ошибся. Не помогли и письма как самого Вигорова, так и простых горожан, которые тоже выступали за сохранение зелёного оазиса. В результате его площадь сократилась вдвое. Выкорчеванными оказались десятки сортов яблонь, груш, других культур.

Но и после этого Леонид Иванович духом не пал. Лишь опять внёс коррективы в свою работу. На этот раз стал изучать так называемые летучие соединения растений. Назвал он их аэрофолинами. Кстати, термин этот прижился и уже прочно вошёл в научную литературу.

Вигоров установил, что деревья, кустарники, травы могут оказывать на человека различное

Лестеховцы, изменившие мир

воздействие. Способны успокаивать, возбуждать, вызывать сонливость и т. д. Причина – летучие соединения. Это не только запахи, но и другие вещества. Кажется, мы их не ощущаем, но на самом деле это не так. Они на нас действуют. Более того, могут способствовать выздоровлению – оказывать противоопухолевое, антимикробное действие, стимулировать сердечную деятельность, снижать кровяное давление.

В 1975 году Леонид Иванович полностью переключил коллектив лаборатории на новую тему – летучие биологически активные вещества листьев и цветов древесных пород. Он посчитал, что в условиях урбанизированной среды такие растения при создании парков и скверов станут особенно востребованными.

Кстати, не только парков. Они могли бы использоваться и при озеленении тех или иных учреждений. Взять детский дом. У большинства подопечных в нём агрессивность повышена. Поэтому при озеленении его можно высаживать только те растения, которые действуют успокаивающе. Такой же подход может быть применён в психбольницах, других заведениях.

К сожалению, к этому времени здоровье Вигорова пошатнулось. В марте 1976-го его не стало.

Вскоре прекратились и исследования по аэрофолинам. Еще через некоторое время закрылась и лаборатория. Новые руководители сада, которые пришли на смену Леониду Ивановичу, хоть и были с научными степенями, а не знали, чем её занять. Продолжить начатое Вигоровым не могли. Они, что называется, были «не в теме». Единственное, что им казалось перспективным, – это ландшафтное направление. Его и стали развивать. Но, увы, делалось это зачастую в ущерб саду. Для того чтобы увеличить площади под кустарниковые культуры, наиболее востребованные на рынке ландшафтного строительства, вырубали то, что не приносило пользы, в том числе и яблони. В результате из сада исчезли даже вигоровские сорта...

Верно в народе говорят: «Сад цветёт до тех пор, пока жив его хозяин».

– Трудно с этим не согласиться, – сказал проректор по научной работе УГЛТУ Сергей Залесов. – Чтобы сад стал таким же, каким был, нужен второй Вигоров. Но где его взять? Такие целеустремлённые, одержимые учёные-энтузиасты – редкость в наше время. Естественно, после кончины Леонида Ивановича проблем в саду прибавилось. Новые его руководители не были готовы к тому, чтобы продолжать исследования Вигорова. Их интересовали другие научные направления. Это вполне естественно. Объяснимо и то, что сад сейчас активно используется для выращивания различного посадочного материала. Деньги зарабатывать надо. Государство на его содержание не выделяет ни копейки. Самое главное – сад живёт.

Памятник Л.И. Вигорову, установленный сослуживцами в саду лечебных культур, расположен рядом с плакучей яблоней

Лестеховцы, изменившие мир

Это по-прежнему богатейшее собрание растений на Среднем Урале – 586 видов. А в связи с тем, что недавно возле парка Лесоводов России университет получил новый участок земли – целых десять гектаров, есть уверенность, что сад получит развитие.

Кстати, недавно УГЛТУ отметил юбилей Вигорова – столетие. По этому случаю была проведена научно-практическая конференция с участием известных садоводов и селекционеров.

В издательстве УГЛТУ вышла новая книга. Настоящий фолиант, на мелованной бумаге, с множеством фотографий – «Избранные труды Вигорова». В книгу вошли все наиболее известные статьи учёного, а также ранее не публиковавшиеся. Это точно хороший подарок к его юбилею. Но почему-то больше всего хочется самого простого – чтобы в сад вернулись и вновь зацвели любимые сорта яблонь Вигорова!..

Анатолий Гуцин
